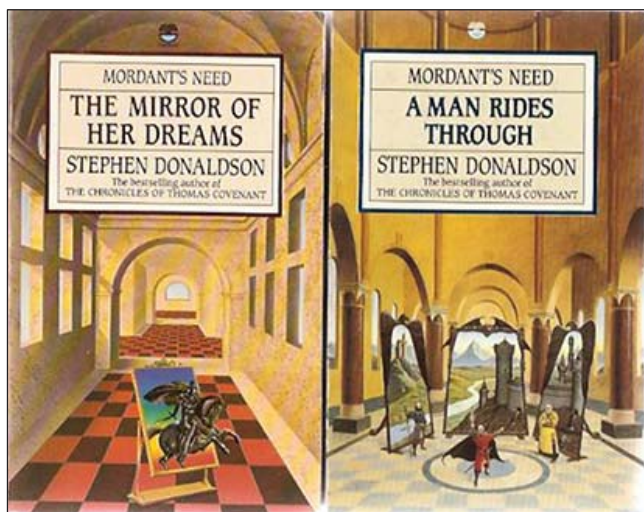

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Стивен
Дональдсон

Нужды Морданта

Stephen Donaldson. The Mirror of Her Dreams. 1986
Stephen Donaldson. A Man Rides Through. 1987
Перевод - О. Колесников

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 28.06.2017. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 40 экз. Зак. № .

Дональдсон, Стивен.

Нужды Морданта: фантастический роман. — М.: Международный центр фантастики, 2017. — 996 с.

Не предназначено для продажи.

*Вмещающая бездонность ее сновидений,
Поверхность зеркальная будет чиста,
Пока из нее не появится всадник...*

Джон Майерс Майерс. «Серебряный вихор»

Пролог: Териза и Джерадин

История Теризы и Джерадина начиналась словно волшебная сказка. Она была принцессой, заключенной в высокую башню. Он — героем, пришедшим чтобы спасти ее. Она была единственной дочерью человека богатого и могущественного. Он — седьмым сыном седьмого лорда одной из провинций. Она была прекрасна: от волос цвета осени, венчавших голову, до кончиков белых пальчиков на ногах. Он — очарователен и полон отваги. Она была околдованной узницей. Он — бесстрашным разрушителем колдовских чар.

И, как бывает во всех сказках, они были просто созданы друг для друга.

К несчастью, в реальной их жизни не все было так просто.

К примеру, ее высокая башня представляла собой шикарный небоскреб на Мэдисон, всего в нескольких кварталах от парка. В ее распоряжении было две спальни (одна из которых была «спальней для гостей», шикарно обставленная и никогда не используемая), просторная гостиная с отличным видом на запад, отдельная столовая, где стоял длинный черный полированный стол, на котором прекрасно смотрелись бы утыканые горящими свечами канделябры, если бы ей пришла охота зажечь их, и удобная, хотя и безжизненная, современная кухня, полная всяческой техники из самых последних каталогов.

Этот дом обошелся ее отцу во столько, что люди, с которыми она работала, называли бы это «состоянием», но он действительно стоил каждого заплаченного пенса. Охранники в холле и система слежения с помощью телевизионных камер оберегали ее. К тому же, живя здесь, она пассивно спонсорилась по дому, принадлежащему ее отцу, глядя на него, его деловых партнеров и женщин большими карими коровьими глазами, которые казались слишком бездушными или слишком глупыми, но взгляд этот подразумевал то, что ее отец и так постоянно мог видеть в ней, — настороженность и отсутствие любви. Глаза, замечающие, что все его попытки откупиться — просто нежелание заботиться о ней.

И Теризе казалось, что ей нравится жить там, где она жила; ее счета были оплачены, и она могла позволить себе работать на той единственной работе, в которой считала себя компетентной, на той единственной работе, которая придавала хоть какой-то смысл ее жизни: Териза работала секретарем в современном варианте богадельни — в миссии, занимавшейся проблемами гетто, в пятнадцати минутах ходьбы от блестящих окон и отраженного сияния ее шикарного дома; она занималась тем, что

перепечатывала письма с просьбами и апелляциями, довольно отчаянные письма нерасторопного старика, стоявшего во главе этой миссии.

Кроме того, она была счастлива жить там, где жила, потому что могла украшать свои комнаты сообразуясь с собственным вкусом. Это отняло у нее много времени, ибо она не умела пользоваться такой степенью свободы, такой возможностью управлять окружающей ее обстановкой; но в конце концов получилось так, что ее спальня, гостиная и столовая оказались увешаны зеркалами. В зеркалах было некое очарование, говорившее ей о многом — но главное состояло в другом. Суть заключалось в том, что в ее апартаментах не осталось ни одной точки, ни единого уголка, где она не могла бы видеть себя.

И, таким образом, она всегда имела возможность убедиться, что существует.

Когда Териза спала, ее сознание было пустым, лишенным снов, будто вымытая тарелка. Но когда она бодрствовала и скользила по жизни, то не делала различий ни для кого. Даже мужчины, которые могли бы счесть ее прекрасной или желанной, похоже, не замечали ее, когда она проходила мимо них по улице, — во всяком случае, она не замечала их внимания. Живя без снов и эмоций, она не ощущала себя действительно материальной и сомневалась, что в самом деле существует в этом мире. Только зеркала подтверждали ей, что она все еще *здесь*, что ее лицо способно отображать какие-то чувства. Карие глаза, круглые от глубоко спрятанной нежности и доброты, великолепный нос, намек на упрямство в линиях подбородка. Она убеждалась, что телосложение у нее именно такого типа, какой расхваливают в модных журналах, а лицо и тело слушаются того, что приказывает им сознание.

Она совершенно не подозревала о колдовстве, скрывавшем ее. Она считала, что все нормально, что это просто причуды сознания.

Что же касается Джерадина, для него обстоятельства складывались немного более благоприятно.

Он был всего лишь пригодником в Гильдии воплощений — иными словами, учеником, — и добивался своей цели в жизни, то есть стремился стать Мастером. Откровенно говоря, все члены Гильдии сомневались в его выборе призвания. Однако некоторые из Мастеров придерживались мнения, что он достоин этого звания потому, что пророчество указывало на него как на единственного среди них, кто может рассчитывать на успех. Другие были за то, чтобы поручить ему это задание, так как именно он единственный среди них был совершенно неисправимо безнадобен.

Те же, кто утверждал, что воплощение Воина в реальности абсолютно аморально, лишь подпевали старой развалине королю Джойсу. Во всяком случае, в Гильдии их было меньшинство. Нет нужды отмечать, что все толкователи пророчеств соглашались с тем, что королевство не может быть спасено без Воина, которого следует воплотить в реальности из воплотимого. Но каким образом это воплощение может быть осуществлено и, к тому же, кого именно считать этим Воином — здесь уверенности было меньше.

Мастера, считавшие Джерадина ни на что не годным, имели на то все основания. Кроме всего прочего, он был не просто самым старшим из пригодников, ныне находящихся на службе Гильдии, — он был самым старшим из когда-либо служивших Гильдии, но так и не стал на-

столько опытным, чтобы можно было наконец провозгласить его Мастером. Хотя ему было лишь немногим больше двадцати лет, его возраст был достаточным, чтобы над ним насмеялись за то, что ему никак не удавалось заслужить мантию Мастера.

Он был настолько рассеян, что ему нельзя было доверить даже смешивать песок и красители без опасений за возникновение какой-нибудь путаницы и нарушения пропорций; настолько неловок, что не мог пройти через большие лаборатории, расположенные в просторных подвалах Орисона, не цепляясь за посохи, катки и другие приспособления Мастеров. Даже трусливый как заяц Мастер Квилон, удививший всех тем, что, отбросив страх за свою шкуру, заявил вслух (как мог бы сделать и король Джойс, если бы не спал почти все время) свои возражения против мнимой аморальности выхватывания Воина из его собственного мира, чтобы он мог послужить нуждам Морданта — так вот, даже Квилон пробурчал себе под нос, что если попытка Джерадина не увенчается успехом, то у Гильдии наконец-то появится достаточный повод избавиться от столь бестолкового ученика.

Честно говоря, способность Джерадина все путать и портить создавала определенные сложности и с технической точки зрения. Вообще-то Мастеру, создавшему для такой цели специальное зеркало, следовало просто открыть его и воплотить Воина в реальность. Но Джерадин снова и снова демонстрировал, что не способен осуществить даже самые простые воплощения. Таким образом, он вынужден был поступить буквально так, как советовал король Джойс: ему следовало пройти сквозь стекло, встретиться с Воином и просить его о помощи.

Среди достоинств Джерадина было честное сердце, решительность и такая сильная преданность, какая встречается только у детей. Короткие каштановые волосы вились над его высоким лбом; лицо его смело можно было бы назвать волевым, а то, что он рос вместе с шестью своими братьями, сделало его выносливым, мужественным и не способным долго предаваться печальям. Но выражение его лица частенько портила гримаса смущения и мольбы о прощении за очередную неловкость, а сознание своей никчемности нередко вызывало у него дрожь в коленках. Его подсознательное стремление к загадкам и потенциалу воплотимого было настолько сильным, что нескончаемые ошибки оставили в его душе глубокую рану, рану, которая все углублялась и была уже готова превратиться в неизлечимую, когда Гильдия, повинувшись предсказаниям и здравому смыслу, поручила ему миссию спасения будущего Морданта.

Все это произошло тогда, когда Джерадин вновь обрел прежний энтузиазм и с пылом принялся трудиться под присмотром Мастеров, вкладывая в свою работу всю душу, делая все как требовалось в их ремесле — смешивая песок и красители собственноручно, чтобы зеркало потом не отринulo его; растапливая печь деревом, которое он заготовил самолично; мешая расплавленную массу и перемешивая ее вновь не меньше дюжины раз, пока она не стала именно такой, как в том зеркале, в котором Мастера видели избранного ими Воина; возясь возле раскаленной стеклянной массы, пока кровь не начинала жалобно стонать в его венах; выливая стекло в специальную форму и кашляя от едких паров окалины. При малейшей неудаче, проявлении невнимательности или ошибке он тяжело вздыхал, проклинал себя, извинялся перед

всеми присутствующими — и снова набрасывался на работу. Надежда пела в нем, пот пропитывал его одежды, а все его мускулы ныли.

Он, как и Териза, не подозревал, что находится под действием чар. Но если бы он даже и знал об этом, то не переживал бы — настолько он был поглощен миссией, возложенной на него Мастерами, заданием, которое могло завершиться тяжким увечьем или даже смертью.

Она была совсем не тем Воином, которого избрала Гильдия.

Она даже не была обитателем того мира, в котором жил Воин.

И кроме того, теоретически зеркало Джерадина должно было бы быть совсем другим.

1. Зов

Ночью, за день до того, как Джерадин пришел за ней, Теризе Морган приснился сон — один из немногих. И теперь она будет помнить его всегда. В нем она услышала звуки охотничьих рожков; слабые, доносящиеся издалека, они докатились до нее в морозном воздухе поверх покрытых колючим снегом холмов, словно зов, которого всегда ждало ее сердце. Рожок пропел вновь, а когда она выпрямилась, прислушиваясь — еще раз. Но ближе не становились.

Она хотела посмотреть на того, кто трубил. Из-за дерева, за которым она то ли сидела, то ли лежала, словно холод не мог коснуться ее своим дыханием, виднелся край холмов; наверное, рожок и тот, кто играл на нем, были с другой стороны. Однако она так и не пошевелилась. Сон демонстрировал ей то, чего она никогда не видела раньше, но сама она оставалась прежней.

Затем на закутанном в снежный покров склоне холма появились всадники. Кони рвались вперед, из их ноздрей вырывался пар, а копыта взрывали снег так, что белые хлопья, казалось, кипят под их копытами. Она слышала скрип кожаной упряжи, злые окрики и многочисленные проклятия всадников — склон доносил до нее каждый звук, словно резонатор. Она попыталась игнорировать эти звуки и снова услышать мелодичные звуки рожка, но всадники внезапно развернулись на холме и, разметая снег, помчались к деревьям — прямо к ней.

Когда их лица стали отчетливо различимы, Териза увидела в них яростную ненависть, жажду пролить кровь. Длинные мечи, казалось, сами вылетели из ножен и взметнулись в высоко вскинутые руки всадников. Эти люди собирались втоптать ее в снег, уничтожить.

Она неподвижно застыла, ожидая. Воздух был пропитан холодом, резким, как пощечина, и мучительным, словно заноза. Она не знала, все равно ей или нет, что во сне она будет убита. Может быть, это наконец покончит с пустотой в ее жизни. В ней поднималась лишь слабая волна жалости; она не услышит снова звуки рожка и не узнает, почему они заставляют так трепетать ее сердце.

И тут среди деревьев с черными стволами появился мужчина и стал между ней и всадниками. Он был безоружен и не защищен броней — его одеяние состояло из широкого коричневого плаща, штанов из того же материала, кожаных ботинок, — но он не колебался и рискнул собой, встав на пути лошадей. Когда первый всадник взмахнул клинком, мужчина резко дернул скакуна за поводья, и лошадь, потеряв равнове-

сие, сбросила седока на второго атакующего. Оба, и лошадь и всадник, повалились наземь, поднимая густые, как туман, облака снега.

Когда ветер отчасти развеял снег, Териза увидела, что ее защитник завладел клинком одного из нападавших и проткнул им другого. Он управлялся с мечом неуклюже, хотя и с кипучей энергией, и было ясно, что он не знаком с искусством фехтования, но зато не колебался. В результате яростной атаки он пригвоздил своего соперника к стволу дерева прежде, чем тот успел снова вскочить в седло.

Наблюдая за схваткой, Териза увидела, что последний, третий из нападавших, заехал за спину юноши, выступившего на ее защиту, — конь уже стоял в положении для нанесения удара, меч, удерживаемый обеими руками всадника, высоко занесен. Хотя она не понимала, что происходит, она знала, что ей следует что-то сделать. Простая жалость и благодарность к ее защитнику уже должны были бросить ее по направлению к всаднику. Он не смотрел в ее сторону, и наверняка она смогла бы ухватить его за пояс и стащить из седла прежде, чем он успеет нанести удар.

Но она не сделала этого. Она представляла себе это, но лишь небольшая морщинка появилась на ее челе, пока она пребывала в неподвижности. Именно таково было обычное течение ее жизни — тупое ничегонеделание. Единственно, что ее оправдывало, так это неуверенность в своем собственном существовании. Как она могла при этом действовать? Действие — для тех, кто не сомневается в своем физическом присутствии в этом мире. В течение двадцати с лишним лет жизни возможностей для действия у нее было так немного, что она обычно не распознавала их, пока они не оставались в далеком прошлом. Она не знала, как заставить двигаться свои ноги.

А тот человек, ее спаситель, бросившийся защищать ее лишь потому, что на нее напали, не сознавал опасности; он пытался вытащить клинок из тела убитого, упавшего ничком.

Вызывая потрясение у себя, у всадника и в резком холодном воздухе, она крикнула:

— Берегись!

Стремление предупредить об опасности швырнуло ее в сидячее положение. Она находилась в собственной постели. От надрывного крика болело горло, от непривычного ужаса кровь бежала как в лихорадке.

Она увидела себя в зеркалах спальни. Освещенная ночником, находившимся на стене за постелью, она была не более чем тенью, отражавшейся в зеркалах вокруг нее; но она снова стала собой, той самой тенью, какой была всегда.

И несмотря на то, что пульс ее бился учащенно, а по лицу струились капли пота, ей показалось, что сквозь неприятные шумы города она слышит издали мелодичные звуки рожка, слишком слабые, чтобы быть уверенным на сто процентов, — и слишком знакомые, чтобы не замечать этот зов.

Естественно, ничто не изменилось. На следующее утро она проснулась, когда зазвонил будильник, и ее отражение в зеркалах было таким же мягким и тусклым, как обычно. Хотя она какое-то время поизучала свое лицо, пытаясь понять, почему люди на лошадях могли так сильно ненавидеть ее, оно казалось таким же безжизненным и ничего не вы-

ражающим, как и всегда — настолько, что она даже изумилась, обнаружив, что зеркало все еще отражает ее. Может быть, она уже начинает исчезать? Может быть, в один прекрасный день она проснется, глянет в зеркало и не найдет там ничего? Возможно, но не сегодня. Сегодня она выглядела такой же, какой себя помнила, — прекрасно сложенной, но никому не нужной и немного печальной.

Поэтому она как обычно приняла душ, оделась в простую юбку и просторный свитер, в которых предпочитал ее видеть отец, поела как обычно — глядя на себя в зеркало, пока откусывала кусочки тостов — и, надев плащ, покинула квартиру и отправилась на работу. Ни в ее внешнем виде, ни в апартаментах, когда она покидала их, ни в лифте, который опустил ее вниз, в холл ее дома, не появилось ничего необычного. Необычными были только ее чувства.

Мысленно, так осторожно, что ни одна из эмоций не отражалась на ее лице, она прокручивала в памяти свой сон.

Снаружи, на улице, шел ливень, грохоча по водосточным трубам, шипя на крышах автомобилей, заглушая звуки дорожного движения. Испугавшись серой мглы и сырости, она повязала на голову пластиковую косынку, затем прошла мимо охранника (который, как обычно, проигнорировал ее появление) и вышла сквозь вращающиеся двери наружу, под потоки воды.

Опустив голову и сосредоточившись на дороге, она двинулась в направлении миссии, где работала.

И в этот момент без всякого предупреждения она, казалось, вновь услышала звуки рожка.

Неожиданно для самой себя она остановилась, вскинула голову и огляделась, словно насмерть перепуганная женщина. Это не были класдоны автомобилей; это были духовые инструменты, которые используют музыканты или охотники. Но зов их был так далек, что она, вероятно, не должна была слышать его здесь, в этом городе, сквозь этот дождь, сквозь мощное уличное движение, запрудившее дороги не хуже ливня. Но ощущение того, что она слышит эти звуки, сделало все, что Териза видела, более отчетливым, ярким, менее пугающим и более значимым. Дождь целеустремленно поливал улицы; серость зданий навевала меньшее отчаяние и больше походила на то время суток, что отделяет день от ночи; люди вокруг, казалось, шли вперед, движимые решимостью и целеустремленностью, а не отвращением к мерзкой погоде и страхом перед работодателями. Все вокруг нее было пропитано такой жизненной силой, какой она никогда раньше не ощущала.

Затем ощущение стало слабее; она больше не слышала музыку, находящую отклик в ее сердце. А затем и совсем исчезло.

Разочарованная и печальная, она продолжила свой путь на работу.

В миссии в этот день ей пришлось потрудиться больше, чем обычно. Усевшись в административном помещении за стол, на котором громоздилась древняя пишущая машинка, она обнаружила записку от преподобного Тетчера, уже пожилого человека, все еще заправлявшего миссией; там было сказано, что лимит расходов на копирование оказался превышен и потому он просит ее отпечатать двести пятьдесят копий прилагаемого письма вручную, помимо ее обычных обязанностей. Это письмо должно было быть направлено во множество организаций, которым не чужда филантропия, и содержало очередную просьбу помочь

деньгами, изложенную витиеватым слогом преподобного Тетчера. Она старалась не читать то, что печатала; но, естественно, читала письмо снова и снова, стараясь напечатать его без ошибок.

По мере того, как она работала, она ощущала себя все менее реальной, словно бы растворяясь в бессмысленности того, чем занималась. В полдень она уже выучила письмо наизусть и напряженно вглядывалась в каждую новую строку, создаваемую ее пишущей машинкой, ожидая появления каждой новой буквы, так как та свидетельствовала, что она все еще здесь, что она существует. И искренне изумлялась при появлении каждой очередной буквы.

Ленч они с преподобным Тетчером обычно ели вместе — это был его, а не ее выбор. Она сидела тихо и внимательно следила за его лицом, и он, видимо, считал ее примерной слушательницей. Но большую часть времени она практически не слышала того, что он говорил. Его разговоры были такими же, как и его письма; в них не было ничего, в чем она могла бы помочь. Териза молчала потому, что это был единственный способ времяпрепровождения, известный ей, и она всматривалась в его лицо, надеясь увидеть хоть один признак того, что существует, — какой-то проблеск интереса или сосредоточенность на ней, которая могла бы действительно подтвердить, что она реальна в глазах другого. Поэтому она сидела вместе с ним в углу столовой, которая была частью миссии, и смотрела на него, пока он говорил.

Издали преподобный Тетчер казался лысым, но только потому, что его блестящая розовая кожа просвечивала сквозь редкие белые волосы, которые он коротко стриг. Вены на его лице были большими и вздувшимися, а когда он приходил в возбуждение, казалось, что они могут лопнуть. Сегодня она ждала, что они будут говорить о последнем письме, которое она перепечатала уже почти две сотни раз. Так бывало обычно; когда они ели пресную простую еду, приготовленную в столовой, он обсуждал с ней те вещи, которые она и так знала по работе, и голос его дрожал, когда он жаловался на безрезультатность того, что он делает. Но на сей раз он удивил ее.

— Мисс Морган, — сказал он, даже не взглянув на нее, — я когда-нибудь рассказывал вам о своей супруге?

Нет, никогда, хотя он частенько ссылался на нее. Но Териза знала некоторые факты из его жизни от прошлого секретаря миссии, которая, разочаровавшись, уволилась. Тем не менее она сказала:

— Нет, преподобный Тетчер. Естественно, вы упоминали о ней. Но вы никогда о ней не рассказывали.

— Она умерла почти пятнадцать лет назад, — сказал он, продолжая пребывать в задумчивости. — Прекрасная христианка, сильная женщина... Боже спаси ее душу. Не будь ее, я не смог бы, мисс Морган, нести бремя, возложенное на меня Господом.

Хотя Териза никогда не задумывалась над этим, она считала его человеком слабым. Да и его манера выражать мысли была манерой человека слабого, даже если он и не плакался ей, жалуясь на свою неспособность улучшить что-либо в работе миссии. Но сейчас, как ни странно, голос его звучал размеренно и уныло.

— Я вспомнил то время — это было много лет назад, задолго до того, как вы родились, мисс Морган, — когда я закончил семинарию, — он улыбнулся, глядя куда-то в пространство мимо ее левого плеча, — со

всеми возможными отличиями — можете поверить в это? И работал в то время помощником пастора в одной из самых процветающих церквей этого города.

Меня хотели оставить помощником пастора, с Божьей помощью я бы не бедствовал, как здесь, и вскоре стал бы одним из самых популярных пастырей. Я должен признаться вам, мисс Морган, что быть богатым весьма приятно. Но по какой-то причине мое сердце не было довольно таким состоянием дел. У меня было такое ощущение, что Бог старается что-то сообщить мне. Видите ли, как раз в это же время я узнал, что наша миссия нуждается в новом директоре. У меня не было стремления к этой работе. Меня устраивало мое положение в церкви. Я был щедро вознагражден за свои труды, как финансово, так и духовно. Но я никак не мог забыть об этой миссии. Церковь призвала меня служить ей. Но чего хочет от меня Бог?

И именно миссис Тетчер разрешила мою дилемму. Она сложила руки на коленях, как делала всегда, когда хотела поговорить серьезно, и сказала: «Не будьте глупцом, Альберт Тетчер. Когда наш Господь пришел в этот мир, он сделал это не для того, чтобы служить богатым. Ваша церковь — отличное место, но если ты покинешь ее, они найдут сотни отличных людей, которые смогут заменить тебя. Но никто из этих людей не пойдет в миссию».

И потому я пришел сюда, — продолжал он. — Миссис Тетчер не беспокоило то, что мы бедны. Ее беспокоило лишь то, чтобы мы служили Богу. И я делаю это, мисс Морган, в течение вот уже сорока лет.

Обычно подобная фраза была прелюдией к длинным монологам о неловких и как правило бесплодных попытках содержать миссию на должном уровне. Обычно Териза предчувствовала начало подобных монологов и внутренне подбиралась, стараясь, чтобы ее собственная нереальность не мешала верить, что она действительно хоть чем-то может помочь миссии. Пусть даже слушая жалобы Тетчера.

Но в этот раз она услышала отдаленные звуки рожка.

Они служили сигналом к началу охоты и прелюдией к музыке — два разных звука, которые соединились в ее душе, сплетаясь, рождая в ней желание проникнуть в самое себя и закричать им в ответ. И когда она услышала их, все вокруг нее изменилось.

Столовая уже не выглядела запущенной и голой; она казалась обжитой, местом для размышлений в одиночестве. Помятые, истощенные жизнью мужчины и женщины не казались низведенными до состояния отребья, сейчас они вместе с супом впитывали надежду и новые возможности. Даже столы выглядели более благородно, они перестали быть обычными пластиковыми столами на металлических ножках. Даже преподобный Тетчер изменился. Пульс, бьющийся у него на висках, больше не свидетельствовал о том, что он осознает свою бесполезность; это был могучий ритм его решимости нести добро. В чертах его лица светилась мужество, глаза смотрели вдаль, потому что он был полон мыслей не о бренном, а о Боге.

Все это длилось лишь мгновение. Затем Териза перестала слышать звуки, хотя и жаждала этого, и ощущение поражения медленно вернуло ее в настоящее.

Переполненная чувством потери, она подумала, что сейчас расплачется, если преподобный Тетчер начнет один из своих обычных мо-

нологов. К счастью, он так не поступил. Ему нужно было сделать несколько телефонных звонков в надежде застать неких влиятельных персон, пока у них длится перерыв на ленч, поэтому он извинился и покинул ее, не обратив внимания на влажный блеск в ее глазах. Она почти с облегчением вернулась за свой стол, к своей пишущей машинке, где могла ударять по клавишам и видеть, как черные буквы, появляющиеся на бумаге, доказывают ее существование.

Медленно подполз вечер. Сквозь единственное широкое окно Териза видела, что дождь продолжает поливать землю и настольно промочил все, что даже дома вдоль улицы стали похожи на размокшие картонные коробки. Редкие прохожие, торопливо семенившие по тротуарам, могли быть одеты в плащи, а могли быть и без них — ливень, казалось, стер все различия. Дождь хлестал снаружи в окна; тоска просачивалась сквозь стекло. Териза обнаружила, что снова и снова делает одни и те же ошибки. Она хотела опять услышать мелодичные звуки рожка — хотела вновь ощутить остроту и живость, которая приходила вместе с этими звуками. Но это было не чем иным, как всего лишь остатками ее странного сна. Она не могла уловить их.

Когда пришло время уходить, она автоматически сунула руки в рукава плаща и повязала пластиковую косынку. Но когда была готова — вдруг заколебалась. Под влиянием порыва, она постучалась в дверь крошечного прямоугольного закутка, который преподобный Тетчер использовал в качестве своего частного кабинета.

Сначала она ничего не услышала, затем он слабо ответил:

— Войдите.

Териза открыла дверь.

Она едва поместилась в закутке между расшатанным креслом, столом преподобного Тетчера и стеной. Его стул на противоположной стороне кабинета был настолько прочно заблокирован стопками папок с бумагами, что, когда ему хотелось выйти, он буквально протискивался, выбираясь из этой ниши. Когда Териза вошла, преподобный Тетчер ту-по смотрел на телефон, словно тот олицетворял все его надежды.

— Мисс Морган, ваша работа закончена?

Она кивнула.

Он, казалось, не обратил внимания на то, что она молчит.

— Знаете, — сказал он, — сегодня я переговорил с сорока двумя людьми. И тридцать девять из них попросту турнули меня.

Если она позволит импульсу, толкнувшему ее зайти сюда, взять верх, то она еще меньше будет верить в собственное существование; поэтому она внезапно сказала:

— Я очень сожалею по поводу миссис Тетчер.

Мягко, словно она и не меняла тему разговора, преподобный Тетчер ответил:

— Мне очень не хватает ее. Она была нужна мне для подтверждения того, что я живу правильно.

Так как Териза очень хотела, чтобы он взглянул на нее, то она сказала:

— Вы *живете* правильно. — И, сказав, поняла, что действительно верит сказанному. Эхо звуков рожка изменило ее внутреннее состояние. — Раньше я не была в этом уверена. Теперь — убеждена.

Но его рассеянный взгляд не отрывался от телефона.